

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Оскар Райле

СЕКРЕТНЫЕ ОПЕРАЦИИ АБВЕРА

**ТАЙНАЯ ВОЙНА НЕМЕЦКОЙ РАЗВЕДКИ
НА ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ**

1921–1945

Оскар Райле

**Секретные операции абвера.
Тайная война немецкой разведки
на Востоке и Западе. 1921-1945**

«Центрполиграф»

Райле О.

Секретные операции абвера. Тайная война немецкой разведки на Востоке и Западе. 1921-1945 / О. Райле — «Центрполиграф»,

Книга Оскара Райле, личного помощника адмирала Канариса, – наиболее полное издание о том, как создавался, набирал силу и потерпел крушение абвер – знаменитая германская служба военной разведки. Автор приводит малоизвестные подробности операций против Советского Союза, стран Восточной и Западной Европы, Соединенных Штатов Америки и Великобритании. В книге дан объективный анализ успехов и неудач военной разведслужбы Германии и конкурирующих разведок.

Содержание

Книга первая	5
Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Оскар Райле

Секретные операции абвера.

Тайная война немецкой разведки на Востоке и Западе. 1921—1945

*Эту книгу я посвящаю тем, кто занят мирным трудом по
возрождению Германии и возвращению ее в Европу.*

Автор

Книга первая

ТАЙНАЯ ВОЙНА НА ВОСТОКЕ

Глава 1

1920–1934 ГОДЫ. ПОЛЬША И ВОЛЬНЫЙ ГОРОД ДАНЦИГ. ОТНОШЕНИЯ ГЕРМАНИИ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ, ПОЛЬШЕЙ И ДРУГИМИ ВОСТОЧНОЕВ- РОПЕЙСКИМИ СТРАНАМИ. ПОЕДИНКИ НА НЕВИДИМОМ ФРОНТЕ

Данциг летом 1931 года. При хорошей погоде улицы бурлят от иностранцев, приезжающих со всего света, чтобы провести несколько недель отпуска на чудесном побережье Балтийского моря или попытать счастья в сопотском казино.

Курорты Сопот, Глетткау, Брэзен, Хейбуде и Бонзак очень популярны. Даже дальние деревеньки Данцигской бухты в направлении за Фришен – Нерунг, такие, как Штеген и Штуттгоф, полны отдыхающих. Одни из них отводили пару дней отпуска на посещение готических церквей и других данцигских архитектурных достопримечательностей. Другие осматривали порт или уютно устраивались в кабачках с отличной кухней. При этом, само собой разумеется, следовало продегустировать местные напитки «Данцигер гольдвассер» и многие другие популярные в ту пору «розовые ликеры». Женщины конечно же не упускали случая полюбоваться элегантными платьями, дорогими украшениями и прочими увлекательными безделушками в витринах крупных роскошных магазинов в центре города.

Украшения большей частью поставлялись из Франции. Оттуда ввозились товары по сниженным пошлинам. И наоборот, входивший в польскую таможенную зону вольный город Данциг затруднял ввоз товаров из Германии.

В целом Данциг в те летние дни 1931 года производил впечатление чистого, ухоженного города. Деловая жизнь, казалось, бурлила вовсю.

Непосвященному было невдомек, что вольный город многие годы боролся за свою экономическую и политическую самостоятельность, а за его стенами вели свою тайную работу различные секретные службы. Некоторые сотрудники работали под прикрытием консульств, открытых государствами противника, среди них Франция, Великобритания и Советский Союз. Польшу больше всех в этой цитадели шпионажа и контршпионажа представляли кадровые сотрудники и агенты. Многие офицеры польской разведки являлись сотрудниками военного отдела дипломатического представительства Польши, располагавшегося в Данциге на улице Нейгартенштрассе.

В ту пору я работал советником уголовной полиции в управлении в Данциге не более чем в 500 шагах от этого здания. Уже семь лет я контактировал со службой абвера и помимо основной работы выполнял секретные поручения.

Из разведслужб противника в Данциге польская была самой опасной. Она располагала большими силами и средствами для экономической, политической и пропагандистской подрывной деятельности против вольного города, а также засылала множество агентов и в Восточную Пруссию, которые вели там широкомасштабный шпионаж.

Моя задача заключалась прежде всего в том, чтобы как можно раньше выявлять ее частично скрытые, частично открыто высказываемые в публичной пропаганде цели и помогать защищаться от притязаний Польши. Чтобы все это делать эффективно, я старался обрести там доверенных лиц, которые были бы в курсе дел и мер, намечаемых соответствующими польскими ведомствами.

По сравнению с этим противником у вольного города Данцига в распоряжении имелись лишь очень ограниченные силы и средства. В первые годы моей секретной деятельности, о которой речь еще впереди, у меня было не более двух – трех сотрудников, с ними я и взялся за развертывание тайной разведывательной сети информаторов в Данциге и Польше. Кроме того, мы были еще совершенно неопытны в разведработе. Потому нельзя исключать, что наряду с успехами нас будут ожидать и провалы. Последними была отмечена моя деятельность в Польше. Дело дошло до того, что обо мне, как опасном враге, польские журналисты запустили публикации, в которых подробно описали меня и указали мой адрес.

Несмотря на это, я с помощью моих немногочисленных верных людей все – таки завербовал ценных информаторов, через которых мы подробно ознакомились с кадровым составом подразделений польской разведки и их тайной работой против Германии и Данцига. Так, летом 1931 года нам стало точно известно, что работавший в дипломатическом представительстве Польши майор Зикон был нашим главным противником.

В июле того же года однажды в первой половине дня он вдруг позвонил мне. Я снял трубку и спросил:

– Кто звонит?

– Майор Зикон. Имею ли я удовольствие говорить с господином советником уголовной полиции?

– Да, я у аппарата. Чем могу служить?

– Я хотел лишь предупредить вас, чтобы вы прекратили прослушивание наших телефонных переговоров. Уверяю, из них вы все равно не узнаете ничего существенного. Для всей германской разведки от этого мало прока, вряд ли она выведает что – либо эпохальное.

– Вы так полагаете? Тогда вот вам наглядный пример. Известно ли вам, что вы приглашены на чашку чая к господину министру Страсбургеру¹ и его супруге?

– Нет, пока ничего не знаю. Похоже, вы и впрямь осведомлены лучше, нежели я предполагал. Вероятно, было бы лучше, если бы мы как – нибудь встретились. Возможно, наша беседа окажется полезной для нас обоих.

– Согласен. Предлагаю сегодня встретиться в 14 часов в хорошо вам известном ресторанчике на Хундегассе. Каждый придет в компании с товарищем.

– Хорошо, меня это устраивает.

– Тогда до встречи.

Ровно в два часа дня я вместе с коллегой, инспектором уголовной полиции Лангбейном, уже был в условленном ресторане. Нас совсем не обрадовало, когда перед нами появился в

¹ Доктор Хенрик Страсбургер – в то время дипломатический представитель Польши в Данциге. Поляки обозначили этот пост как «Генеральный комиссар Республики Польша в Данциге». За несколько лет до того Страсбургер отличился яркой пропагандой, направленной против Данцига.

полной форме польский унтер – офицер и доложил, что пан майор Зикон очень сожалеет, что не смог прийти, поскольку его задержали служебные дела.

Поговорить с майором Зиконом я хотел лишь для того, чтобы обсудить меры, которые способствовали бы смягчению отношений между Польшей и Данцигом, доведенных уже чуть ли не до разрыва. За время после объявления Данцига вольным городом, 10 января 1920 года, Польша и Данциг более 50 раз обращались к Верховному комиссару Лиги Наций в Данциге и Совету Лиги Наций для разрешения спорных вопросов.

Для существования и функционирования вольного города Данцига самым опасным было нарушение польскими ведомствами экономических прав, закрепленных за вольным городом по договору. Эти вмешательства, имевшие главной целью выведение из – под контроля Данцига как можно больше торговых связей и снижение его доходов, угрожали существованию неудачно созданного версальскими миротворцами государственного образования «вольный город Данциг».

То, что его жители, на 90 процентов немцы, будут всеми силами противиться польским властям, было неудивительно. Для того времени и противостояния между Польшей и Данцигом показательна фраза, которую польский министр иностранных дел Залески в сентябре 1930 года обронил президенту данцигского сената: «Данцигский вопрос может разрешить лишь польский армейский корпус». Подобное высказывание польского министра, лица официального, со всей очевидностью показывает, насколько была взрывоопасной ситуация.

Кроме того, летом 1931 года я знал, что германское правительство и его секретная служба, абвер, ожидали польского нападения. Подобное, разумеется, было крайне нежелательно для руководящих германских кругов. В случае войны Польша с большей степенью вероятности могла надеяться на поддержку западных держав. Но и без них в то время она в военном отношении намного превосходила германский рейх.

Прежде чем я продолжу анализ противоречий между Польшей и Германией в период между мировыми войнами, представляется необходимым оглянуться назад на годы, когда немцы и поляки мирно сосуществовали в Силезии, Познани и Западной Пруссии. Затем в кратком обзоре расскажу, как я оказался на моей должности в Данциге и был завербован абвером в сотрудники.

Я родился за несколько лет до начала нового столетия в Западной Пруссии. Мой отец владел там крупным хутором, унаследованным от родителей. На нашем хуторе постоянно проживало много работников мужского и женского пола, называемых в те времена батраками и батрачками, а также в имении постоянно жил один пастух. Все они были поляками и говорили по – польски и женились на батрачках, которые из года в год со всеми своими трудоспособными родственниками нанимались к нам на хутор и жили в доме, принадлежавшем моему отцу.

Поскольку я являлся старшим ребенком, вышло так, что дети наших работников стали моими товарищами по играм. От них я научился польскому языку, знание которого мне впоследствии весьма пригодилось. И среди школьных товарищей, ходивших вместе со мной в гимназию в Грауденце, были дети поляков. Один из них в августе 1914 года одновременно со мной ушел на фронт добровольцем (вольноопределяющимся). И это был не единичный случай. Многие поляки считали само собой разумеющимся исполнить свой воинский долг и, хотя при немецкой власти никогда не скрывали, что они поляки, пользовались всеми правами германских подданных.

Тогдашнее сосуществование немцев и поляков лучше всего показать на примере польского графа Мильжински, происходившего из аристократического рода, осевшего в провинции Познань. Граф исполнил свой долг и стал немецким офицером. Кайзер Вильгельм II отличил его и сделал одним из своих адъютантов.

Когда генерал фон Безелер 5 ноября 1916 года по поручению имперского правительства провозгласил независимость Польши, граф, по согласованию с соответствующими гер-

манскими ведомствами, отправился на родину. Там во время боев в Верхней Силезии до июня 1921 года он в чине подполковника был главнокомандующим польских повстанцев. Тем не менее граф придерживался мысли, что возрождаемому польскому государству, как монархии во главе с одним из принцев Гогенцоллернов, нужно последовательно ориентироваться на Германию.

Пусть бы такой подход стал достоянием европейской молодежи. Ведь он подтверждает, что десятки лет перед Первой мировой войной немцы и поляки могли жить на одной и той же земле в мире и согласии. В земле Кульмер, насколько мне известно, в те времена никогда не возникало стычек или каких – либо иных серьезных разногласий между гражданами Германской империи немецкой и польской национальности.

Сегодня прозвучит почти неправдоподобно, если я на основании собственного опыта добавлю, что многие польские работники охотнее нанимались к немецкому хозяину, нежели к польскому. Правда, в большинстве случаев это происходило потому, что польские хозяева рассчитывались за работу не столь пунктуально, как их немецкие соседи. Многие поляки (более жизнерадостные и воспринимавшие жизнь в целом не столь трагично, как это нередко водится среди немцев) были склонны жить не по средствам.

В 1919 году я уволился из армии и вернулся домой. Я хотел быть полезным в хозяйстве отца и остаться там, где родился, хотя и предстояла передача земли Кульмер Польше. Отец в то время был бургомистром общины. Заступив на должность ландрата – польского старосты, я помогал отцу выполнять предписания, поступающие от польской администрации. Одновременно я принялся прилежно совершенствовать мой польский, приобретенный еще в юности, так что вскоре я уже мог читать и обрабатывать польские служебные бумаги.

Осенью 1920 года однажды я поехал в Кульм, чтобы передать отчет отца, касающийся нашей общины. Меня приняли вежливо. Но после завершения формальностей староста сказал мне:

– Чтобы вам было известно, вы и ваш отец оба находитесь в черном списке. Вам лучше покинуть Польшу.

На это я спросил:

– Как это? Почему мы в черном списке?

Староста отвечал:

– Я могу только еще раз посоветовать вам как можно быстрее уехать из Польши.

Я молча откланялся и полный задумчивости отправился домой. Несмотря на произошедшее в Кульме, родители хотели оставаться на родном клочке земли. Они не видели причин для отъезда. Их связи и добрые взаимоотношения с польскими работниками и соседями до сих пор ничем не омрачались.

Однако вскоре после этого со мной произошло одно примечательное происшествие. Когда однажды мы с младшим братом шли по нашим полям, вдруг рядом с нами просвистели пули. Я еще слишком хорошо помнил их посвист по войне. Стреляли с большого расстояния и, по всей видимости, лишь в качестве предупреждения. Но теперь нам стало окончательно ясно, откуда дует ветер. Определенные польские круги не желали, чтобы наша семья проживала в их стране.

Многих немцев таким и подобными способами выживали из отошедших к Польше земель. В районе Зольдау, например, староста официально уведомил немецких оптантов (лиц, имеющих право выбирать гражданство), что им следует как можно быстрее покинуть Польшу. Кто к 1 января 1923 года еще будет оставаться в своих хозяйствах, того силой выселят и вышлют из страны.

Теперь мои родители начали обдумывать переселение в Восточную Пруссию. Они сохраняли спокойствие. Никто просто так не бросит добро, нажитое еще трудом предков, пока его к этому не принудят силой. Но тем временем положение наше стало еще неприятнее, поскольку

нас обязали сдать все оружие, в том числе и охотничье, тогда как кругом беспрестанно шныряли вооруженные отряды самообороны («страж обывательска»), в которые стекались авантюристы всех мастей.

И вот наше решение покинуть Польшу стало реальностью. Родители переселились в Восточную Пруссию, а я в конце декабря 1920 года уехал в Данциг, где и начался новый этап моей жизни.

Я претендовал на вакантное место в данцигской уголовной полиции и 1 января 1921 года получил его, приступив к исполнению служебных обязанностей в звании вахмистра. Среди коллег, большинство из которых прошли мировую войну, царила теплая товарищеская атмосфера, и я почувствовал внутренний подъем. Это очень помогло мне прижиться в Данциге. С рвением я принялся за дело. Уголовное и административное право, уголовное судопроизводство и методы криминалистики были мне совершенно неизвестны. Но кое – кто из более опытных коллег за сравнительно короткое время обучил меня основным принципам, технике и приемам составления протоколов при осмотре места преступления и правонарушений, а также допросам обвиняемых и свидетелей.

В ту пору данцигская уголовная полиция насчитывала около 120 сотрудников. Они отвечали не только за порядок в черте города, но занимались и такими тяжкими преступлениями, как убийства, умышленные убийства, поджоги и тому подобным на всей территории, входящей в состав вольного города Данцига. Теперь территория в дельте между Ногатом и Вислой и соседние районы к западу от нее, район Данцигер – Хое, сделались моей родиной. В этом регионе, занимавшем всего лишь 1966 квадратных километров, проживало 365 тысяч человек.

Новую родину я изучил в течение нескольких месяцев во время моих служебных поездок. Преступность, как и всегда после длительных войн, была высокой. В комиссии по убийствам сравнительно часто раздавались звонки, сообщавшие о тяжких преступлениях в районах или с просьбой оказать содействие сельским жандармам при расследовании.

Мое стремление как можно быстрее освоиться и соответствовать служебным требованиям не оставляло мне времени внимательно следить за важными событиями в мире. Наоборот, летом я изыскивал возможность время от времени выбираться на пляж, чтобы позагорать и покупаться в Балтийском море. Побережье вольного города простиралось почти на 60 километров, не считая граничащего с данцигской территорией берега Фришен – Хафф. Пляж там просто замечательный! Полоса мелкого, белого песка шириной от 100 до 300 метров, за ней дремали волнистые дюны, а позади начинались тихие сосновые леса.

Я был молод, мне не исполнилось еще и 25 лет, и после пяти лет войны и безрадостного прозябания на родине, ставшей Польшей, мне хотелось что – нибудь получить от жизни. Насколько позволяло время, я посещал танцевальные кафе и другие увеселительные заведения. Нередко с раннего вечера и до поздней ночи я проводил время в компании таких же молодых мужчин и женщин. Но эти вечеринки редко сопровождало искреннее веселье. Еще были слишком свежи груз пережитого и страдания, перенесенные во время войны. Настроения того времени, господствовавшие в ресторанах, отражались в сентиментальных шлягерах, исполнявшихся повсюду и набивших оскомину: «Лейтенант, когда – то и ты был гусаром» и «Саломея, твой поцелуй – сладкая смерть».

Разговоры молодых людей, если они велись, снова возвращались к воспоминаниям о войне. Большинство из них совершенно не интересовались тем, что происходило в мире после подписания Версальского договора. Но они явственно ощущали зыбкость ситуации в своем городе. Правда, крупные данцигские коммерсанты были осведомлены лучше и очень беспокоились за свое существование.

Я и сам поначалу черпал информацию о политических событиях в Рурской области, в Верхней Силезии и Данциге, которые глубоко всколыхнули и возмутили широкие слои немец-

кого населения, лишь бегло проглядывая ежедневную прессу. Я был слишком занят на работе и личными делами.

Но вдруг неожиданно мои служебные обязанности изменились. Начальник данцигского управления полиции Фробёс обязал меня переводить польские документы, поступавшие в его ведомство. Из этого вытекало, что я же должен был помогать отвечать на эту входящую корреспонденцию. Кроме того, в октябре 1921 года меня назначили комиссаром уголовной полиции и поручили руководить в Данциге внешней службой полицейской исполнительной власти.

Так я, едва успев по – настоящему обжиться на новой родине, был вовлечен в ответственное разрешение противоречий между Данцигом и Польшей. Несомненно, по молодости и неопытности я наделал бы ошибок и причинил много бед, если бы мне не помогали советами начальник управления полиции Фробёс.

Бывший прокурор, до того как в начале 1921 года приехать в Данциг, Фробёс работал в политическом отделе управления уголовной полиции в Берлине. Это был благородный человек, отличавшийся острым умом, политическим чутьем и обладавший искусством самые сложные вопросы облекать в точно подобранные, дипломатически взвешенные слова. Поэтому для обработки польских нот и жалоб его нередко привлекали правительство вольного города, президент сената и семеро профильных сенаторов.

Польской республике по Версальскому мирному договору и по Варшавскому соглашению от 24 октября 1921 года предоставлялись решающие права в Данцигской области. На основании этих договоров Польша получала уже внешнее представительство и в управлении железнодорожной сети вольного города. Кроме того, Польша имела особые привилегии в гавани Данцига, и в канун нового 1922 года предстояла интеграция области вольного города в польскую таможенную зону.

Но всего этого Польше было мало. Уже в 1920 году она выдвинула притязания на пять деревень на правом берегу Вислы и гавань Курцербрак. Цель этих претензий такова: область вольного города Данцига, которая на западе отделялась от рейха переданной Польше областью Западной Пруссии, на востоке также должна запирается Восточной Пруссией. По решению проведенной Советом Лиги Наций конференции послов Антанты от 12 августа 1920 года поначалу Польше были также обещаны пять деревень и Курцербрак.

После этого поднялась буря возмущения, и не только в Данциге, но прежде всего и в Германии. Прусский госсовет в марте 1921 года рассмотрел дело и торжественно заявил протест против отторжения висленских деревень. Само собой разумеется, особенно высоко волна возмущения взметнулась в Восточной Пруссии. Ведь перенесением польской границы на восточный берег Вислы провинция Восточная Пруссия отрезалась от прямого выхода на Вислу, и Данциг оказывался в изоляции.

Кроме того, в результате конфликтов на польской границе в Восточной Пруссии росло опасение, что Польша собирается захватить южную часть провинции. Ежедневные газеты в связи с этим публиковали статьи с заголовками: «Восточная Пруссия начеку» и т. д. Затем по всей провинции прокатились митинги протеста, в которых участники делали публичные заявления, что они были, есть и останутся немцами. Одна декларация от 23 марта 1922 года содержала буквально следующее: «Вся Восточная Пруссия и вместе с ней ландтаг провинции заявляют, что Восточная Пруссия более не потерпит дальнейших захватнических действий Польши».

Так Польша еще в 1920–1922 годах приложила руку к тому, чтобы между ней и вольным городом Данцигом и, более того, Германией возникло ожесточенное противостояние. За это несли ответственность не рядовые польские ведомства, а руководящие лица в Варшаве. В качестве доказательства достаточно привести два высказывания ведущих политиков того времени. Плючински, исполняющий обязанности министра польского правительства, согласно «Газета Варшавска» от 29 июня 1922 года, заявил следующее: «Лига Наций гарантировала самоуправ-

ление Данцига. Но Польша в принципе не признает это самоуправление и хотела бы присоединить Данциг к Польше чем раньше, тем лучше».

До Плючински, а именно еще в 1921 году, Верховный комиссар Лиги Наций в Данциге предупредил: «Польша исходит из того, чтобы уничтожить этнический характер Данцига и тактически присоединить его к Польской республике».

Начальник полицейского управления Фробёс опасался худшего. Он считал, что поляки однажды зашли в Данцигскую область переодетых в гражданское солдат и толпы вооруженных людей спровоцируют беспорядки, чтобы заставить Верховного комиссара Лиги Наций призвать Польшу ввести войска для восстановления порядка. У Верховного комиссара имелись такие полномочия. По собственному усмотрению он мог призвать польские войска. Вероятность этого дамкловым мечом нависала над Данцигом. При этом было ясно, что польские войска, раз войдя в него, не будут гореть желанием покинуть Данцигскую область.

В связи с этим от начальника полицейского управления я получил указание выполнять предписания иностранной полиции объективно, но строго. По действующим положениям польские чиновники обладали правом в любой момент въехать в вольный город Данциг, если у них имелось удостоверение личности. Им не требовался загранпаспорт. Но при въезде, как и все прочие иностранцы, они были обязаны отмечаться в полиции и при известных обстоятельствах указывать цель приезда и продолжительность пребывания. Все въезжающие польские граждане, кто не мог дать сведений о цели приезда и характере деятельности, подвергались негласному надзору и через определенное время выслались как нежелательные лица. В первую очередь эти меры касались безработных и неимущих иностранцев.

В первые послевоенные годы в Данциг приезжало множество искателей приключений без единого геллера в кармане. Но вольный город был экономически не столь богат, чтобы позволить себе кормить толпы неимущих.

Реализацией предписаний иностранной полиции в Данцигской области я и занимался в 1920–х годах. При этом мне помогали не более 20 чиновников. Большинство из них были бывшими военными. Они усердно и добросовестно исполняли свой долг. Сотрудники не только сами постоянно контролировали отели, пансионы и прочие места проживания и следили за высылкой указанных лиц, но и заставляли территориально подчиненных чиновников полиции соблюдать предписания иностранной полиции и докладывать о результатах исполнения.

Однако для контроля за движением иностранного транспорта предназначался другой орган – данцигская таможня. Для исполнения даваемых мне начальником полицейского управления поручений я поддерживал тесные контакты с таможенными комиссарами, на границах вольного города руководившими таможенными постами. Эти чиновники, в соответствии с заключенным с Польшей соглашением проверявшие ввозимые и вывозимые товары, с другой стороны, выполняли поручение на данцигско – польской границе протяженностью 120 километров контролировать и отслеживать (по правилам) въезд и выезд лиц согласно действующим в Данциге положениям паспортного режима.

Кроме того, у руководителей таможенного комиссариата было указание особое внимание обращать на въезжающие группы лиц, въезд и нахождение которых в Данциге при определенных обстоятельствах могли вызвать волнения. О подобных группах таможенные посты обязаны незамедлительно оповещать начальника полицейского управления через мой комиссариат. Таможенные комиссары охотно выполняли эту полицейскую обязанность.

Отчего начальник управления придавал столь важное значение тому, чтобы таможня на польской границе срочно докладывала ему о каждом происшествии и любом тревожном наблюдении и факте, мне стало понятно позднее. Дело в том, что старшие офицеры данцигской службы охраны порядка с сотней своих людей решили вступить в бой и оказать сопротивление, если польские войска незаконно вторгнутся и попытаются оккупировать вольный город Данциг.

Данцигская служба охраны порядка в 1920–х годах насчитывала не более тысячи человек. Вооружение их состояло исключительно из германского пехотного оружия. Польская же армия еще в 1920 году завершила победоносную войну с Россией. Благодаря сравнительно хорошему вооружению она считалась одной из самых сильных армий в Европе². Разумеется, все это было известно начальнику полицейского управления и старшим офицерам службы охраны порядка. И тем не менее они, в случае необходимости, собирались вступить в безнадежный бой и защищаться насколько хватит сил, чтобы показать миру, что население Данцига совершенно несогласно с оккупацией их земли Польшей.

Эта позиция понятна только сегодня при ретроспективном взгляде на тогдашнюю общую ситуацию в Германии, а именно: на общее положение, как его оценивали руководители Германии. Начальник полицейского управления Фробёс, поддерживавший личные контакты с берлинской центральной властью, летом 1922 года объяснил мне, как он видит ситуацию. Тем самым он явно преследовал цель научить меня разбираться во внешней политике, после того как проникся ко мне полным доверием.

– Дальнейшая судьба Данцига существенным образом зависит от рейха, – пояснил он. Потому необходимо изучать нынешнее положение Германии и исследовать вопросы, как пришли к Версальскому мирному договору, какой ущерб нанесен Германии и какую окончательную участь державы – победительницы с их союзниками ей уготовили.

Германские армии еще могли бы сражаться, когда имперское правительство вместе с американским президентом Вильсоном провозгласили мирную программу, состоявшую из четырнадцати пунктов, как основу для перемирия. В армии дисциплина и боевой дух пока еще были не утрачены. Напротив, на родине дух к сопротивлению падал. Гражданское население, уставшее от войны, верило в лозунги, провозглашенные неприятельскими странами: «Нет войне!», «Самоопределение народам!», «Свободу на морях» и многим другим.

Это был успех вражеской пропаганды, успех психологической войны. Разведслужбы противника искали и нашли подходы, чтобы всесторонне, с территории сопредельных с нами стран с помощью листовок, замаскированной корреспонденции и других средств распространять пропагандистскую отраву среди нашего населения. У нас не имелось подобного инструмента. Германская секретная служба, возглавляемая полковником Николаи, была чисто военной разведкой, руководимой генштабом, и не могла энергично бороться с неприятельской пропагандой, чтобы в свою очередь влиять на общественное мнение стран противника. Правда, принимая во внимание положение Германии, это было бы очень тяжело. Какие значительные силы требовались, чтобы с нашей стороны вести пропаганду в соседних странах, а также в Великобритании и США!

В любом случае уставшее от войны население Германии охотно пошло за провозглашенной президентом Вильсоном программой «мира без победы». Члены имперского правительства также верили, что мир на основании «Четырнадцати пунктов» будет заключен и честно соблюдаться, хотя полковник Николаи и другие офицеры высказывали предостережения.

Я рассказываю это столь подробно оттого, что психологическая война сыграла решающую роль и после заключения мира стала продолжаться с удвоенной энергией. В особенности у Франции имелась разбросанная по всей Германии организация, развернувшая крайне бурную разведывательную деятельность. Только в одной Рурской области существуют 15 резидентур французской разведслужбы. Мало того! Франция всеми силами и средствами ведет психологическую войну и занимается шпионажем также и с территории Польши и Чехословакии. Из Берлина я получил информацию, что руководитель межсоюзнической комиссии по контролю

² Это вооружение в основном состояло из оружия, прошедшего проверку в Первую мировую войну. Но постепенно оно устаревало, поскольку Польша, вплоть до начала германо – польской войны, смогла ввезти новое вооружение лишь в очень ограниченном количестве.

в Германии генерал Дюпон (бывший шеф французской разведки перед войной) переехал в Варшаву или вот – вот должен переехать.

Соответственно и у нас в Данциге было много работы. Дюпон в Польше оказался хорошим наставником. За несколько недель до того у нас в Данциге поляки создали Общество любителей науки и искусств. Я предположил, что речь идет о замаскированном учреждении по ведению психологической войны. Таким образом, следует обратить внимание на это общество.

– Но что мы можем предпринять в Данциге против этой опасной и вредной пропаганды, господин начальник? И как с этим обстоит дело в Германии? Имеются ли после горьких уроков последних лет какие – то ведомства, с помощью которых Германия способна защитить себя от опасного шпионажа и пропаганды?

– К сожалению, в Данциге мы мало что можем. Против распространения польской пропагандистской литературы мы можем действовать в том случае, если только оно противоречит законодательству. Нет средств для эффективной контрпропаганды. Мы можем использовать лишь наше личное влияние на немецкие газеты в Данциге и в рейхе. И имперское правительство вряд ли способно принять действенные защитные меры. Я уже упоминал, что Германия сама опутана сетью более или менее замаскированных резидентур иностранных разведслужб.

Итак, все для нас выглядит довольно печально. Имперское правительство должно стремиться к контрразведывательной работе на новой основе и исходя из этого создавать новую структуру по всем необходимым направлениям секретной службы. Наша военная разведка не способна отвечать современным требованиям. В отличие от разведок противника у нас нет органов ни по ведению психологической войны, ни для экономической разведки и целенаправленного подрыва торговли и промышленности в странах нашего противника. В этом большие мастера англичане, наносящие нам большой ущерб промышленным шпионажем и диверсиями.

– А как обстоят дела с германской разведкой сегодня, господин начальник? Насколько она сильна и что вообще можно сделать?

– Это вопрос не ко мне. Хотя борьба со шпионажем против рейха и разрешена, но какое это имеет значение, если нельзя принимать мер против существующих в Германии шпионских резидентур бывших наших противников? Впрочем, организация и оснащение абвера крайне слабы, насколько мне известно.

Но вернемся к оценке ситуации. Какие важные события, произошедшие с момента Версаля, возможно, позволили бы спрогнозировать судьбу, которую нам готовят наши противники?

Президент Вильсон, как вам известно, не позволил воплотить в жизнь те идеальные принципы, как они представлялись ему. Вот уже два года, как Лига Наций провозгласила в Женеве лозунг «Нет новой войне!», благодаря чему польско – русская война стала *ad absurdum* (абсурдом). О праве наций на самоопределение уже речи не ведется, по меньшей мере относительно нас, немцев. Мемель, большая часть Восточной Пруссии и наш Данциг по Версальскому договору были отторгнуты от рейха без всякого плебисцита. И в восточной части Верхней Силезии, несмотря на победу в плебисците, 165 тысяч жителей присоединились к Польше. Шайки грабителей наводнили область, хотя там стояли итальянские части для обеспечения объективного волеизъявления народа. Но итальянские оккупационные войска не вмешались, поскольку французский генерал Ле Рон был на стороне вторгшихся поляков.

Как мало значит Лига Наций, уже показало занятие польскими войсками под командованием генерала Целиговского в октябре 1920 года Вильно, при полном попустительстве Франции и Великобритании. Оккупация осуществилась, хотя Лига Наций обещала отдать Вильно Литве.

Между тем польский глава, маршал Пилсудский, за год до того заключил с Францией пакт о взаимопомощи. Что нам следует от этого ожидать? Означает ли он, что Франция и

Польша намеревается и далее кромсать Германию? В любом случае нам следует учитывать, что Польша тем или иным способом попытается заполучить Данциг.

В такой ситуации мы не можем сделать ничего иного, как беречься от того, чтобы они посягнули на наши права, закрепленные в договорах. Поэтому с нашей стороны мы строго придерживаемся всех соглашений, заключенных с Польшей, и ни в коем случае не должны соблазняться на неразумные оперативные меры и поддерживать хорошие отношения с Верховным комиссаром Лиги Наций. Мы надеемся, что нам удастся сохранить Данциг как вольный город немецким, пока рейх снова не окрепнет.

Первая самостоятельная внешнеполитическая акция имперского правительства, заключенный несколько месяцев назад договор³ о восстановлении дипломатических и экономических связей с Россией, подает нам слабую надежду, что Германия вновь воспрянет.

Но у вас и ваших людей должны открыться глаза и уши, и вы станете исполнять свои обязанности в изложенном мной направлении, не поддаваясь на польские провокации или действия и не соблазняясь необдуманными поступками.

Опасения начальника данцигского полицейского управления, как бы нас не захватила целенаправленная психологическая война со стороны Польши, подтвердились в такой степени, что в 1922 году германской стороне было себе трудно и представить. Польша пошла на создание полуофициальных пропагандистских учреждений, которые опутали всю территорию сетью тысяч местных групп, и на их службе находились публицисты, писатели, офицеры и прежде всего сотни журналов. В бесчисленных книгах и тысячах газетных публикаций, а также докладах отныне приводились «доказательства», будто Данциг, а далее и вся Западная Пруссия и часть Померании и Восточной Пруссии испокон века принадлежали Польше или были населены славянскими, родственными полякам племенами, пока злобные германцы не захватили эти земли. Фальсификация результатов исторических и этнологических исследований, искажение статистики и вольные толкования исторических событий должны были подтвердить эти «доказательства». Тем самым любому поляку прививалось убеждение, что он принадлежит к великому народу мореплавателей, у которого вот только в последние столетия не было возможности строить корабли и ходить по морям. Тем острее для Польши жизненная необходимость утвердиться на Балтийском море и вернуть себе «старопольские» земли.

Наиболее значительными представителями этих полуофициальных, опоясавших почти всю Польшу организаций были так называемый Балтийский институт, а также Польский институт западных марок и Лига польского судоходства, получившая в 1930 году наименование Колониально – морская лига. Только в 1930–х годах в последнюю входило свыше 6 тысяч территориальных групп с количеством более чем 800 тысяч членов. Примечательным для этих союзов было то, что в их правление входили высшие польские офицеры и государственные чиновники.

Воистину, поляки хорошо научились у французов ведению психологической войны.

«Специалисты» из польской Колониально – морской лиги даже усвоили, что, не жалея затрат на бумагу и типографскую краску, можно доказать, будто колонии принадлежат Германии по праву, однако, с другой стороны, часть из них все – таки польская.

Ежегодно поляки с 31 июля по 2 августа отмечали в Гдыне Праздник моря. Для Данцига эти дни всегда оказывались самыми напряженными, поскольку тысячи восторженных и хулиганствующих поляков ехали на спецпоездах из глубины страны через Данциг в Гдыню. Разумеется, на Данцигском вокзале делалась остановка, чтобы отправляющиеся на праздник могли хотя бы одним глазком взглянуть на город, так манящий поляков. Данцигская полиция с тру-

³ Рапальский договор от 16 апреля 1922 года.

дом удерживала в повиновении массу празднично настроенных поляков на вокзале. Однако, насколько мне не изменяет память, до перестрелок между полицией и ними дело не доходило.

Во время празднований в Гдыне каждый раз произносились подстрекательские речи, в большинстве случаев содержавшие притязания Польши на Данциг и часть Восточной Пруссии. Каждый поляк, приехавший из глубинки, будучи исторически невежественным, из всего этого увозил домой твердое убеждение, будто Польша действительно должна вернуть себе «свой исконный порт Данциг» и возродить могущественный флот. Митингующие ораторы, среди которых нередко были и министры, а иногда даже и президент страны, называли Балтийское море Польским морем.

Об исторических фактах, не отвечавших их целям, польская пропаганда не упоминала ни слова. Вот эти факты:

что Данциг издавна сумел утвердить и гарантировать собственную политическую самостоятельность, когда еще в 1454 году добровольно перешел под покровительство польского короля;

что во все времена он сохранял право на собственную внешнюю политику и дипломатическое представительство;

что город всегда имел собственное управление, подсудность и монетный двор и самостоятельно распоряжался портами и таможней;

что польский король имел право гостить в городе лишь трое суток со свитой, но без вооруженной охраны;

что после смерти правящего польского короля его преемник только тогда смог перенять покровительство, когда торжественно подтвердил самостоятельность и привилегии Данцига;

что, когда Стефан Баторий в 1577 году посягнул на самостоятельность Данцига, это привело к войне, которую победоносно выиграл вольный город;

что мореплавателями в Данциге испокон веков были немцы. Если об этом вскользь и упоминалось в польской пропагандистской литературе, то, само собой, представлялось как нечто незначительное или совершенно превратно.

По Германии и по Данцигу прокатилась волна протеста против польской лживой пропаганды. В германской прессе появились воинственные публикации, разоблачавшие лживые исторические статьи, распространявшиеся в Польше. Но это были усилия единиц, вызвавшие за границей слабый отклик. Ни в Данциге, ни в Германии в 1920-х годах не существовало контрпропаганды, направляемой государством.

Когда в августе 1923 года я докладывал начальнику полицейского управления Фробёсу, какие пропагандистские речи велись во время только что окончившегося Праздника моря в Гдыне, он пояснил: «Польское руководство все больше и больше разжигает население, чтобы подготовить его к войне, когда ему это будет удобно. Если дело пойдет так и дальше, правительство делается настолько заложником собственной массивной пропаганды, что в результате уже не сможет принимать самостоятельных внешнеполитических решений, а будет вынуждено делать то, чего желает возбужденная толпа. Мы живем под скрытой угрозой войны и должны поддерживать постоянную бдительность».

На горизонте появляется абвер

В Германии не было большей заботы, чем Данциг. Это мне стало ясно, когда в ноябре 1923 года я впервые встретился с офицером абвера – капитаном Вейссом⁴, состоявшим при штабе первого военного округа в Кёнигсберге и отвечавшим за проведение контрразведывательных мероприятий.

⁴ Капитан Вальтер Вейсс, во время Второй мировой в чине генерал – полковника командовавший одной из армий.

Удостоверившись через общих знакомых, что я готов к доверительной беседе, капитан Вейсс разыскал меня в Данциге. Он был в гражданском, но его выправка выдавала в нем немецкого офицера. Без околичностей и без подготовки он сразу заговорил о цели своего визита:

– Я знаю, что вас заботит в Данциге и что вы с вашими таможенниками предприняли превентивные меры, чтобы быть наготове на случай внезапных акций поляков. То, как вы при этом действовали, побудило меня установить с вами рабочий контакт. Я приехал спросить вас, сможете ли вы помимо официальных полицейских обязанностей взять на себя выполнение поручений абвера.

Во – первых, речь идет о том, чтобы здесь, в вольном городе, создать небольшую секретную сеть из совершенно надежных людей, которая должна помогать выявлять шпионов, засылаемых через Данциг в Восточную Пруссию и другие районы рейха.

Во – вторых, по причинам, которые я подробнее изложу позднее, желательно срочно из числа польских офицеров и политиков завербовать доверенных лиц или платных агентов. При этом наша цель – заблаговременно получать от этих людей текущую информацию о польских замыслах и тайных мероприятиях, направленных против Германии и Данцига, чтобы мы успевали, насколько это возможно, предпринимать контрмеры.

Наши усилия по решению этой задачи были далеко не достаточными. Но прежде чем дать вам дальнейшие пояснения, я хотел бы спросить вас, готовы ли вы в принципе взять на себя выполнение этих обоих заданий для абвера и считаете ли вы, что у вас достанет сил на их выполнение?

– Я рад, что у меня появилась возможность с вашей помощью связаться с абвером. Разумеется, я охотно возьмусь за выполнение поставленных задач. Справлюсь ли я с ними, это уже другой вопрос. Помимо моей большой занятости, как вам известно, я не имею никакого опыта в разведывательной работе. Так что вам необходимо не только ставить передо мной задачи, но и сделаться моим наставником. В любом случае я готов взяться за это дело и посвящать ему каждую свободную минуту.

– Значит, мы поняли друг друга, – подытожил капитан Вейсс. – Но еще один вопрос! Учитывая пост вашего начальника управления, господина Фробёса, незаурядного дипломата и истинного немца, и ситуацию с Данцигом, мне кажется, лучше всего было бы, чтобы он, по крайней мере пока, ничего не знал о нашем сотрудничестве. Таким образом, задание абвера вы будете выполнять как частное лицо, без официального прикрытия и в случае чего станете отвечать лично.

И с этим я согласился.

Затем капитан Вейсс перешел к подробному объяснению моих заданий.

– Будет полезным, если я вначале расскажу вам немного об организации и силах разведок противника абвера.

От германской военной разведки, какой она была во время войны под руководством полковника Николаи, практически ничего не сохранилось. Полковник Гемпп, руководитель нашего абвера, – единственный офицер, оставшийся от прежнего состава разведки. Поэтому сотрудники нашего абвера – за исключением шефа – не обладают профессиональным опытом. Более того, мы значительно уступаем нашим противникам численно. Например, в Восточной Пруссии я единственный кадровый офицер абвера. Правда, у меня в подчинении трое бывших офицеров, которые, под прикрытием служащих, работают также секретно. Это отважные, знающие немцы, с воодушевлением занимающиеся своим делом. С некоторыми из них вы в скором времени познакомитесь. Но что такое четверо человек, включая и меня, на всю Восточную Пруссию по сравнению с массированными операциями наших противников? Да и технические и денежные средства у нашей службы совершенно неудовлетворительные.

А как же у противника? Если абверу после войны пришлось начинать практически на пустом месте, то Великобритания и Франция заботились лишь о том, чтобы их секретные

службы получили еще большие денежные средства, чем те, что выделялись во время войны. Далее, их задачей было создать наибольшее число резидентур на территории германского рейха. Не секрет, что руководство французской военной разведки в Германии передано главному командованию оккупационных войск в Майнце. Бесчисленные специалисты работают для этого главного командования в размещенных на оккупированных германских землях резидентурах.

Особенно примечательно то, что организация французской разведки после войны претерпела существенную перестройку. Руководство возложено на министерство внешних сношений, а не на военное, как прежде. Это указывает на то, что центр тяжести французской военной службы в настоящее время сместился в область политики. Об этом говорят некоторые данные наших расследований, подтверждающие, что политическая секретная служба Франции планомерно разведывает замыслы имперского правительства, процессы, происходящие в наших политических партиях, настроения среди немецкого населения и многое другое и пытается на них повлиять. Одна резидентура этого сектора французской разведки находится в Ахене.

Но мало того! Сразу после войны Франция начала откомандировывать лучших специалистов своей разведки в Прагу и Варшаву, чтобы словом и делом помочь Чехословакии и Польше развернуть против нас шпионскую сеть.

Таким образом, секретные службы противника обложили Германию со всех сторон, а англичане, как и французы, даже содержат крупные разведывательные резидентуры на самой территории Германии. В их задачу также входит обработка и влияние на общественное мнение на нашей родине. Для любого порядочного немца постыдно и недопустимо, когда нас несправедливо упрекают не только в прессе стран – победительниц, но нередко даже и в немецких газетах, будто мы все, германские солдаты, виновны и как нам следует вести себя в будущем.

В контексте этих обеих задач, которые я прошу вас взять на себя, мне представляется важным следующее: наша служба, как я уже говорил, очень слаба. И все же ей удалось в последние годы арестовать несколько десятков шпионов. Печально, что подавляющее большинство из них были немцами, позволившими купить себя. Но лишь немногие из них смогли причинить стране серьезный ущерб. В последние два года, к сожалению, под следствием находится и несколько военнослужащих рейхсвера.

Но наибольшую озабоченность у меня вызывает то, что в течение этого года впервые пришлось осудить и множество сотрудников службы охраны порядка. В некоторых подобных случаях становится ясно, что агенты противника, завербовавшие осужденных военнослужащих и полицейских, проникли в Восточную Пруссию из Данцига или из Польши через Данциг. Поэтому ваша первостепенная задача: здесь выявлять агентов, работающих на военный отдел дипломатического представительства Польши и даже засланных службами Польши в Данциг и Германию с секретными заданиями.

Относительно второй задачи следует добавить, что в последние два года наша служба получала многочисленные тревожные сигналы. Все вновь и вновь на границе между Восточной Пруссией и Польшей немцы сообщают, что у них имеются серьезные основания полагать, что поляки в ближайшие дни намереваются оккупировать южные районы Восточной Пруссии. В любом случае необходимо предпринять меры, предусмотренные для войск и абвера на случай угрозы войны. Тогда у нас в силу вступает так называемое состояние «повышенной боевой готовности», во время войны обозначаемое как «активная разведка». Она предъявляет особые требования ко всем участникам.

Чтобы своевременно распознать ложную тревогу и избежать действий, бессмысленно растрачивающих силы, мы вдоль границы с Восточной Пруссией расположили сеть осведомителей. В нее входят таможенники, лесники, землевладельцы, учителя и другие лица, проживающие вблизи границы, лояльные к Германии, у которых имеются знакомые по ту сторону, готовые в случае опасности совершать нелегальные разведывательные вылазки. Но эти достой-

ные уважения люди, к сожалению, способны наблюдать и отмечать только то, что происходит на границе и поблизости от нее. Когда мы даем им задание проверить тревожные сигналы, лишь редко поступает однозначная информация. Поэтому так важно в главных штабах и учреждениях Польши заполучить доверенных лиц, непрерывно и надежно информировавших бы нас о замыслах польского руководства.

Большое значение подобные контакты имели бы еще и потому, что мы сильно отстаем от Польши в военном отношении. В целом в рейхсвере насчитывается 7 пехотных и 2 кавалерийские дивизии, тогда как поляки способны выставить 30 пехотных и 2 кавалерийские дивизии, а также 11 отдельных кавалерийских бригад. В Восточной Пруссии у нас имеются только по одной пехотной и кавалерийской дивизии.

Из всего этого вы можете сделать вывод, насколько важно для нас заблаговременно узнавать, где, когда и какими силами следует ожидать нападения противника, чтобы как можно эффективнее готовить и использовать наши силы для обороны.

С этого дня я начал работать на абвер...

Германский абвер в первые годы после Версальского мирного договора

В декабре 1923 года, через несколько недель после моей первой встречи с капитаном Вейссом, я был приглашен на совещание в Кёнигсберг. В нем принимали участие сотрудники отделов абвера в Кёнигсберге, Штеттине и Берлине, скрытно работавших против Польши. Руководил совещанием один из представителей полковника Гемппа, тогдашнего руководителя группы абвера в министерстве рейхсвера.

Темой совещания были обзорный отчет участникам совещания о проделанной работе абвера за последний год, обсуждение успехов, неудач и затруднений, а также постановка задач на будущее. В ходе совещания я впервые узнал настоящую структуру германской службы военной разведки и контрразведки после Первой мировой войны. 1 января 1921 года можно считать ее днем рождения. Создание абвера совпало с формированием сотысячной армии⁵.

1919–1920 годы следует обозначить периодом без контрразведки. Имперское правительство, порожденное ноябрьской революцией 1918 года, посчитало существование секретной службы слишком сильным раздражающим фактором для держав – победительниц, и поэтому военное министерство отправило в отставку шефа абвера, полковника Николаи. С его уходом исчезла германская служба разведки и контрразведки в том виде, в каком она существовала. Секретные службы противника не преминули воспользоваться этой благоприятной ситуацией, чтобы беспрепятственно внедриться на нашу родину.

Группа абвера, руководящая новой службой германской разведки и контрразведки⁶, возродилась в январе 1921 года в Берлине при министерстве рейхсвера. Во главе ее, как уже было сказано, стоял полковник Гемпп, который, как и многолетний сотрудник Николаи, привнес в секретную службу богатый опыт.

Группа абвера, по сравнению с разведцентрами великих держав, была чрезвычайно маленькой. Поначалу в нее входили всего лишь два – три офицера генштаба, затем пять – шесть бывших офицеров, работавших в качестве вольнонаемных служащих, и соответствующее число машинисток. Группа абвера делилась на два сектора: Восток и Запад. Их оснащение сперва было крайне скудным. Технические средств, фотоаппаратов, агентурных раций, сим-

⁵ По Версальскому мирному договору от 28.06.1919 года германский рейх ограничивался 100-тысячной профессиональной армией с 12-летним сроком службы. Военно – морские силы Германии также ограничивались, а именно: 6 броненосцами, 6 малыми крейсерами, 12 эсминцами и 12 миноносцами с личным составом общей численностью 15 тысяч человек. Подводные лодки, военно – воздушные силы и тяжелые вооружения рейху были запрещены.

⁶ Позднее из нее выросло отделение абвера в имперском военном министерстве, затем в 1938 году служебная группа абвера при главном командовании вермахта и, наконец, в 1941 году заграничная служба абвера в ОКВ.

патических чернил и прочих средств явно не хватало. Да и финансовые средства были совершенно недостаточные.

В качестве исполнительных органов группы были сформированы отделы абвера, а именно: в каждом из семи военных округов⁷ и при 2-й кавалерийской дивизии в Бреслау. Их кадровый состав сначала включал одного офицера генштаба и всего лишь одного помощника с опытом в разведке в период Первой мировой войны. Но в течение 1922–1923 годов они получили подкрепление. Теперь у руководителей отделов было в среднем по два – три помощника, которых они частью могли использовать для борьбы со шпионажем в военном округе, частью для военной разведки.

Центр тяжести после возрождения абвера однозначно приходился на Восток. Задачи и загадки молодой службе в первую очередь ставила Польша. Ее армия еще в начале 1920–х годов нарастила большую мощь, то есть в тот период, когда рейх только – только приступил к формированию 100–тысячной армии. Абвер, с его слабыми силами, все время находился на чеку перед лицом этого потенциального противника. Как раз в этот самый момент немецкое население снова было взбудоражено высказываниями польских официальных лиц и ведомств, в которых ораторы заявляли о притязаниях на часть территорий рейха.

Чехословакия также вынуждала молодую службу предпринимать энергичные контрразведывательные меры. В 1921–1923 годах в Германии под арест попали множество шпионов чешской национальности.

Наблюдение за разведывательными и политическими процессами в Прибалтийских странах Литве, Латвии и Эстонии абвером, ввиду недостатка кадров и средств и поскольку они имели не большое значение для рейха, до 1922 года велось периферийно. Но за несколько месяцев до совещания в Кёнигсберге, о котором уже говорилось, оккупация Мемельской области литовскими повстанцами вызвала в Германии большие волнения.

Мемельская область, согласно статье 90 Версальского мирного договора, должна была отойти странам – союзницам и попасть под французское управление. Хотя литовцы злостно нарушили положения Версальского договора и основополагающие принципы Лиги Наций в Женеве, так называемая Конференция послов стран Антанты признала суверенитет Литвы над Мемельской областью.

Это событие ярко высвечивает тогдашнюю слабость Германии. Рейх был даже не в состоянии защитить от маленького соседнего государства Мемельскую область, с 1422–го по 1919 год граничившую с Литвой. Правда, следовало учитывать, что союзники покрывали литовские деяния. Страны – победительницы, с другой стороны, продемонстрировали, что провозглашенные ими всего лишь несколько лет назад основополагающие принципы Лиги Наций и положения Версальского мирного договора для них не более чем клочок бумаги, который можно разорвать, как только в нем отпадет необходимость.

Захват Мемельской области вызвал волну возмущения в Германии и, разумеется, стал также предметом нашего декабрьского совещания в Кёнигсберге. Тогда были определены контрразведывательные меры, которые следовало предпринять против Литвы. Несмотря на это, уже в последующие годы наладилось сотрудничество между абвером и II отделением⁸ литовского генерального штаба, руководившим секретной службой страны. Эти контакты даже привели к ограниченному, правда, обмену разведывательной информацией по Польше.

В Литве была широко распространена ненависть к Польше вследствие оккупации города Вильно войсками польского генерала Желяговского 9 октября 1920 года. Возмущение литовского населения этими действиями Польши тем понятнее, что Лига Наций за день до того при-

⁷ В 1920–х годах в рейхе существовали только семь следующих военных округов с командованием: в Кёнигсберге; Штеттине; Берлине; Дрездене; Штутгарте; Мюнстере; Мюнхене. В этих городах и в Бреслау существовало восемь отделов абвера.

⁸ В Литве, Польше и других странах военная разведка в те годы по французскому образцу руководилась II отделением генштаба.

знала право Литвы на Вильно, но не выступила против столь грубого нарушения только что ей самой принятого решения.

Многие годы подряд существовала угроза войны между Польшей и Литвой. Только в 1927 году маршал Пилсудский во время переговоров с литовским премьер – министром Вольдемарасом сумел в какой – то мере нормализовать отношения между обеими странами. Но отношения между Польшей и Литвой оставались все равно враждебными, даже когда рейхсминистр иностранных дел Штреземан подключился к процессу в качестве посредника и старался внести в них разрядку.

Впрочем, с другой стороны, настроения в Польше относительно Литвы также были далеко не дружественными. Чтобы понять это, необходимо пояснить, что Литва летом 1920 года, когда Польша не на жизнь, а на смерть сражалась с Советским Союзом, заключила с Москвой договор, который поляки восприняли как направленный против них.

Планомерная разведывательная и контрразведывательная работа немецкой стороной против Советского Союза в 1920–х годах практически не велась. На это попросту не хватало имевшихся сил и средств. Кроме того, договор, заключенный 16 апреля 1922 года в Рапалло, положил начало дружественным связям между рейхом и Советским Союзом, отношение к Польше которого никак нельзя было назвать добрососедским. Но, само собой разумеется, абвер использовал любую представляющуюся возможность, чтобы собирать материал о Красной армии или сведения о положении и внутривнутриполитическом развитии в Советском Союзе.

Таким образом, в центре внимания на тогдашнем кёнигсбергском совещании в декабре 1923 года находилась разведывательная работа против Польши. Задачи и цели обсуждались детально. Было точно определено, чего собирались достичь. Следовало установить в Польше контакты, через которые непрерывно поступали бы информация и документы, позволяющие абверу составить достаточно ясную картину о:

- а) дислокации и численности, а также оснащении польской армии;
- б) приготовлениях польского генштаба на случай войны. (Сколько дивизий может выставить Польша в случае войны? Существует ли план нападения Польши на Германию? Если да, то как он выглядит в деталях?);
- в) государственных и полуофициальных ведомств Польши, ведущих шпионаж и пропаганду в смысле психологической войны против Германии и Данцига (детали их организации, силы, средства и методы работы);
- г) планируемых мер против Германии и Данцига. Для решения этой задачи участники получили особое поручение всеми имеющимися силами и средствами приступить к вербовке в Польше информаторов, которые занимают ответственные посты и могли бы заблаговременно сообщать о планируемых акциях против Германии, чтобы можно было предпринять контрмеры.

При обсуждении этих разведывательных целей представители многих отделов абвера жаловались на дефицит валюты. Инфляция в Германии как раз достигла наивысшей точки. Марка в ноябре 1923 года стоила миллиардную часть от своего номинала. С такой валютой невозможно устанавливать за границей какие – либо ценные контакты.

Дефицитом сил и финансовых средств объяснялось и то, что результаты абвера пока что никак нельзя было признать удовлетворительными. Руководитель совещания со всей ответственностью признал, что в области военной разведки в Польше, за исключением некоторых ограниченных контактов вблизи германской границы, практически ничего не достигнуто. Даже оповещательная сеть со стороны германской границы была еще неплотной, и ее еще следует всячески расширять. Группа абвера будет стараться получить дополнительные силы и больше денежных средств, пока не проведут уже подготовленную денежную реформу. Неустанный труд и напряженнейшие усилия участников совещания необходимы для продвижения в направлении указанных целей. Вследствие военной слабости рейха следует приложить все

человеческие силы в сфере разведки и контрразведки, чтобы вражеские действия не застигли руководство врасплох.

В то время сеть информаторов абвера простиралась только до польской границы. С ее помощью в случае необходимости разведка могла вестись подходящими разведчиками вдоль зеленой границы лишь в скромных размерах. Напротив, ни в коем случае не следовало ожидать, что с ее помощью поставленные на совещании перспективные цели могут быть достигнуты лишь приблизительно. Соответственно для нас, участников совещания, важнейшей задачей была вербовка в Польше лиц, работающих на таких постах, что смогли бы давать информацию по важным, еще непроясненным вопросам и предупреждать нас, если польская сторона намеревается предпринять угрожающие для Германии действия.

Затем на совещании в Кёнигсберге со всей определенностью констатировалось, что результаты, достигнутые до сих пор по второму заданию, контршпионажу, также совершенно неудовлетворительны. Некоторые случаи шпионажа, раскрытые в течение 1923 года, отчетливо показывают, что II отделение военной разведки под руководством польского генштаба ведет в Германии широкомасштабную работу. В особенности в Германию как по конвейеру засылали своих агентов отделения польской секретной службы в Познани и Бромберге, именовавшиеся филиалами.

Филиал в Познани при этом использовал преимущественно тайные тропы, ведущие в землю Шлезвиг и марку Бранденбург, тогда как бромбергское отделение предпочитало путь в Восточную Пруссию и Померанию через Данциг. Для внедрения агентов они могли использовать офицеров разведки, работавших под прикрытием дипломатического представительства Польши. Но больше всего наводило на размышления то, что арестованные шпионы целенаправленно ориентировались на штабы рейхсвера и такие отделы, которые занимались секретной работой. Тяжелые последствия для рейха могли быть в том случае, если в ближайшее время не поставить надежного заслона польской шпионской службе.

В связи с этим на заседании отмечалась срочная необходимость укрепления сети информаторов в приграничных с Польшей районах, прежде всего поиск надежных людей, которые могли бы помочь абверу внутри страны выслеживать пути передвижения и тайные способы сообщения и скрытно следить за подозреваемыми лицами.

Таким образом, приграничное население было задействовано для защиты отечества. Но при подавлении шпионажа отделы абвера широко пользовались поддержкой и соответствующих властей, в особенности уголовной и пограничной полиции, подчинявшихся прусскому министерству внутренних дел.

В отделах уголовной и пограничной полиции служили чиновники, во время Первой мировой войны сотрудничавшие в расследовании шпионских дел. Поэтому сначала налаживалось сотрудничество между ними и абвером, хотя руководящие чиновники прусского министерства внутренних дел не очень – то одобряли слишком тесные контакты своих подчиненных с абвером.

Прусское министерство внутренних дел позднее воспользовалось одним особым случаем, чтобы запретить своим работникам сотрудничать с абвером. Речь идет о деле Нейхёфен, произошедшем в 1929 году на Мюнстервальдерском мосту через Вислу южнее Мариенвердера. Случай уже описывался в литературе, поскольку он ярко демонстрирует, как активно польская секретная служба действовала в 1920–х годах в шпионских операциях и какие, с другой стороны, действенные контрмеры предпринимались абвером и пограничной полицией.

Дело Нейхёфен

Некий сотрудник польской пограничной стражи, одновременно выполнявший поручения военной разведки своей страны, установил контакт с одним унтер – офицером рейхсвера

и пообещал тому большое вознаграждение в случае сотрудничества. Особенно польская разведка стремилась добыть противогаз новой конструкции, поступивший в рейхсвер. А ему, унтер – офицеру, достать такой противогаз легче легкого.

Унтер – офицер сделал вид, будто согласился на предложение, заявив, что попробует, можно ли незаметно умыкнуть один из таких противогазов. Тогда он даст знать.

Об этом происшествии он же доложил по начальству. Командование срочно уведомило отделение абвера по Восточной Пруссии в Кёнигсберге. Его сотрудники приняли решение написать письмо – ловушку и отправить его заказчику. В нем от имени унтер – офицера содержалось сообщение, что он сможет передать заказанный противогаз в определенный день поблизости от немецкого поста паспортного контроля на Мюнстервальдерском мосту. В назначенный им час получатель может спокойно перейти через мост и забрать противогаз.

Поляки не подозревали, что за написанным якобы унтер – офицером письмом скрывается абвер. В назначенный день и час два комиссара польской пограничной стражи перешли через Мюнстервальдерский мост и направились к месту встречи на германской территории. В момент, когда они забирали у унтер – офицера противогаз, выскочили лежавшие в засаде чиновники прусской пограничной полиции, подключенные к операции абвером. Польские комиссары оказали сопротивление. Завязалась перестрелка, в которой один из комиссаров был тяжело ранен и вскоре скончался в больнице. Другого, по имени Биедзински, арестовали и осудили к высшей в то время мере наказания за шпионаж – 15 годам тюремного заключения.

По возвращении из Кёнигсберга в начале 1924 года я приступил к выполнению порученных мне заданий. Капитан Вейсс настоятельно просил меня уделять особое внимание офицерам разведки противника, действовавшим под прикрытием дипломатического представительства Польши в Данциге. При этом я прежде всего должен был попытаться установить агентов, работавших на польских хозяев и их каналы въезда в Германию.

Для решения этих задач мне требовались помощники, поскольку в полицейском управлении занимался официальной работой и в одиночку был не в состоянии проводить все необходимые расследования и наблюдения. Быстро решившись, я переговорил с двумя моими подчиненными, секретарями уголовной полиции Бартом и Кригером, зарекомендовавшими себя как дельные и надежные полицейские. Они с воодушевлением приняли предложение помогать мне в контрразведывательной работе, хотя я и пояснил им, что данцигское правительство не поставлено в известность и мы должны будем действовать на собственный страх и риск.

Оба многие годы надежно выполняли добровольно взятые на себя обязанности и сопровождали меня в стольких опасных предприятиях или же скрытно прикрывали. Их неторопливое и качественное расследование способствовало аресту целого ряда шпионов в Восточной Пруссии.

За исследование круга лиц в области вольного города, поддерживавших оживленные связи с Польшей, я взялся сам с помощью одного дружественно настроенного данцигского коммерсанта. Тем временем мои попытки найти в Польше ценных информаторов в первые месяцы оказались безуспешными. При этом я все же приобрел некоторый опыт и научился распознавать сложности, которые возникали при налаживании удаленных контактов в стране противника.

То же самое происходило и с обер – лейтенантом запаса Генрихом Раухом⁹. Он в должности помощника отдела абвера по Восточной Пруссии из Мариенбурга разрабатывал те же самые цели в Польше. Нередко мы встречались с ним для консультаций в Восточной Пруссии и в Данциге, обмениваясь опытом, поддерживая и ободряя друг друга, пока нам в действи-

⁹ Генрих Раух Вторую мировую войну закончил в звании генерал – лейтенанта.

тельности не удалось установить в Польше так называемые «важные контакты» и заполучить эффективные источники.

Раух обладал великолепными данными для работы в разведке. Прежде всего ему пригодилось то, что он был предрасположен к языкам. Он владел в достаточной мере русским, мог довольно хорошо изъясняться по – польски, чтобы без словаря сразу прочесть и перевести на каждом из этих языков документы, и сам хорошо знал бывшие германские, а теперь отошедшие к Польше территории. Раух умел применить свои способности и для выполнения секретных заданий. Так, через посредников он наладил непрерывную доставку польских газет, в большинстве случаев местных периодических изданий из различных регионов Польши. В них публиковалось множество сообщений о повышениях в звании и переводах польских офицеров поименно, затем о праздничных мероприятиях определенных воинских частей и многое другое. Все эти сообщения он тщательно анализировал и, не выходя из – за стола, за сравнительно короткое время составлял поразительный обзор о местах дислокации польских воинских частей, их командирах и начальниках.

Но и вне кабинета, контактируя с информаторами и агентами, среди которых были идеалисты, авантюристы и изменники родины всех мастей, в любом положении Раух был на высоте. Он, несмотря на свою молодость, мог легко вступить в разговор с любым собеседником и повести беседу таким образом, что всегда добивался своей цели. Подкупающая внешность – он был крупным, стройным блондином – также ему пригодилась. Но главное, что он рано понял: все доверенные лица и агенты, по какой бы причине они ни работали на абвер или стремились к своим целям, без всякого различия ожидают от представителя абвера, что он приложит все усилия для разрешения их человеческих проблем и при любых обстоятельствах сдержит свои обещания.

Когда Раух и я в 1924 году начали искать пути, которые привели бы нас к необходимым «важным источникам», мы столкнулись со сложностями. Дефицит валюты был существенной предпосылкой наших первоначальных неудач. Но мы не позволяли себе опустить руки, хотя нам, еще до того как удалось установить важный контакт благодаря одному шпионскому случаю в Восточной Пруссии, произошедшему на наших глазах, наглядно стало ясно, насколько опасен противник, польская разведка.

Дело унтер – офицера Коха

В октябре 1923 года отдел абвера по Восточной Пруссии запросил в войсках военнослужащего, умеющего печатать на пишущей машинке. В отдел откомандировали унтер – офицера Коха из 7–й роты 1–го пехотного полка. Он должен был обрабатывать входящую несекретную служебную корреспонденцию. По этой причине и поскольку он имел хорошую аттестацию своих начальников, его тщательно не проверили, как то требуется для носителей государственных тайн. Если бы Коха проверили, то выяснилось, что его нельзя использовать в абвере, так как его мать происходила из польской семьи.

Кох, умный и ловкий, но беспокойный, непоседливый человек и не любитель прилежного и упорного труда, сказал себе, что его служба в штабе 1–го военного округа должна представлять большой интерес для польской секретной службы. Он решил использовать шанс и заработать предательством и продажей военных документов.

Случайно Кох очень быстро вышел на человека, связанного с польской разведкой. Через него он передал три или четыре несекретных военных документа и письмо польской секретной службе. В этом письме Кох обещал непрерывную поставку военных документов за ежемесячную оплату в 200 долларов.

В те времена вследствие высокой инфляции в Германии это были большие деньги.

Но Коху не повезло. Пограничная полиция тщательно проверила его посредника в Мариенбурге. Она нашла за подкладкой его шляпы как военные документы, так и письмо Коха. Об этом по телефону срочно передали в отдел абвера в Кёнигсберг. По недосмотру Кох, узнав об этом, сумел бежать. Это произошло в марте 1924 года.

Проводившееся теперь расследование дало поразительные результаты. Кох развернул предательскую деятельность в удивительных масштабах, стоило ему установить контакт с польской разведкой. Среди прочего ему удалось подговорить и подключить к тайному сотрудничеству двух радистов 1-го разведотделения. Их в ходе расследования арестовали и осудили.

Если бы посредника Коха не выявили в Мариенбурге, все это легко могло бы привести к созданию крайне опасной сети польских шпионов в Кёнигсберге. Самого Коха после его бегства через несколько месяцев обнаружили в Бромберге, где он работал на польскую разведку. Оттуда он в 1924–1925 годах пытался по почте установить контакты со своими прежними товарищами в Восточной Пруссии и завербовать их или склонить к бегству в Польшу. Но и тут удача ему не сопутствовала.

Затем абвер потерял Коха из поля зрения. В течение нескольких лет о нем ничего не было слышно. Но в 1937 году в Бремене его арестовали, когда он сходил с судна, пришедшего из Соединенных Штатов Америки. Его анкетные данные вместе с фотографиями и через 13 лет после бегства находились в списке разыскиваемых лиц в Германии. Сотрудник уголовного розыска, проверявший паспорта пассажиров, приехавших из США, сразу узнал Коха по старой фотографии. Предатель был осужден на 25 лет каторги и несколько лет спустя умер в тюремной больнице от туберкулеза.

И все же в случае с Кохом нельзя ограничиться моралью, что «любой предатель не уйдет от расплаты». Отец его – немец, мать – полька. Где же находилось его отечество?.. Таких примеров, как Кох, было множество. Разве за последнее столетие мало заключалось браков между немцами, поляками, венграми и чехами? Разве дети от этих браков не оказывались перед вопросом: а где их отечество? Европейские страны не сумели идти в ногу с этим процессом; они оказались слишком мелки для этого.

В 1924–1927 годах, пока уполномоченные помощники и вспомогательные кадры неприметно, целеустремленно работали над установлением ценных контактов в Польше, колесо мировой истории не стояло на месте.

Что касается Данцига, то Польша вела свою психологическую войну против вольного города с неослабевающей жесткостью. Теперь она уже не удовлетворялась одними пропагандистскими материалами, речами и митингами в Польше. Теперь в отдельных случаях она перешла к акциям на территории Данцигской области, ставя правительство вольного города и Верховного комиссара Лиги Наций перед свершившимся фактом.

В марте 1924 года решение Совета Лиги Наций, что Польша может на Вестерплатте устроить склад боеприпасов, вызвало огромное возмущение данцигского населения. Эта уступка Польше действительно вызвала у вольного города опасения. Дело в том, что Вестерплатте находится на входе в данцигский порт. Как только будет построен склад боеприпасов, охраняемый польскими солдатами, Польша будет иметь право закрывать доступ в порт, когда сочтет нужным.

Президент данцигского сената Зам упорно сопротивлялся строительству склада боеприпасов; протестовали и христианские церкви, но все было тщетно. Примерно в это же время, в соответствии с требованиями Польши, на должность заместителя начальника лоцманской службы в данцигском порту назначили поляка. И это вызвало понятное возмущение, в особенности среди данцигских капитанов. Столетиями данцигское судоходство было немецким, и его лоцманы также были немцами.

Затем резкий протест вызвала следующая нелегальная акция поляков. Под покровом январской ночи 1925 года они в различных частях Данцига развесили польские почтовые ящики и открыли службу приема и доставки корреспонденции, которая теперь уже не ограничивалась портом и располагала польскими почтовыми служащими в форме. Республика Польша во исполнение 104-й статьи Версальского договора ограничивалась надзором и управлением собственной почтовой, телеграфной и телефонной связью между собой и данцигским портом. Польша этим самовольным деянием поставила Данциг перед свершившимся фактом. Вольный город протестовал, но безуспешно.

Но тяжелее всего подействовало на граждан Данцига и его экономику сооружение порта Гдыня, которое началось Польшей с 1925 года в противовес данцигскому порту. Все это имело для данцигской торговли катастрофические последствия. Польша признала привилегии данцигского порта по Версальскому мирному договору, поскольку тогда у нее не было собственных портов. Но, впрочем, в соответствии с параграфами договора Польша имела не только определенные права в данцигском порту, но и обязанность собирать пошлину.

В равной мере как между Данцигом и Польшей, так и между Германией и Польшей отношения в 1924–1926 годах ухудшались. С немцами, оставшимися на территориях, отошедших к Польше, обходились жестоко. Нередко их экспроприировали. Основание к этому давал изданный в Польше в эти годы закон о земельной реформе, предусматривавший перераспределение земли на определенных территориях.

В противоположность этому к проживавшим в Германии полякам относились лояльно, как и испокон веков. Но в результате враждебной позиции Польши в 1925 году началась германо – польская торговая война, которая длилась много лет и все еще не закончилась к 1930 году, поскольку рейхстаг отказался ратифицировать заключенный в марте того же года правительствами Польши и Германии торговый договор. Торговая война сильно ударяла по экономике Польши, поскольку в 1924 году большая часть польского экспорта, точнее 43,2 процента, приходилась на Германию, тогда как всего лишь 34,5 процента импорта поступало из Германии.

В тот же самый период ситуация в Европе в результате многочисленных межгосударственных договоров сильно изменилась. Большое значение для Германии прежде всего имели Локарнские договоры, заключенные 16 октября 1925 года с Францией и Великобританией. Они подготовили вступление Германии в Лигу Наций и очищение оккупированных германских территорий. Кроме того, они предусматривали гарантию неприкосновенности германских границ с Францией и Бельгией под поручительством Великобритании и Италии, а также улучшение отношений обеих пограничных стран с Германией.

То, что эти договоры были заключены, в первую очередь являлось заслугой Бриана и Штреземана, тогдашних министров Франции и Германии. Они искренне стремились к установлению дружественных отношений между своими странами и народами. В те времена повсюду говорили об эре примирения Бриана – Штреземана.

Локарнские договоры были неблагоприятны для Польши, как если бы она потерпела поражение. В свою очередь она попыталась получить гарантии неприкосновенности польских границ от западных держав и Германии. Но германскому министру иностранных дел Густаву Штреземану удалось убедить ведущих государственных деятелей Антанты, что для Германии немислимо давать подобные гарантии. Он даже неоднократно давал понять, что Германия не может на долгий срок согласиться с восточными границами рейха, установленными по Версальскому мирному договору. Эта позиция Штреземана, о которой будет еще сказано ниже, заслуживает внимания в контексте последующей позиции Гитлера.

В день подписания Локарнских договоров, 16 октября 1925 года, Франция заключила гарантийное соглашение и с Польшей. Но это была уже облегченная новая редакция договора между обеими странами от 1921 года, предусматривавшая для Франции обязательное оказа-

ние помощи Польше в случае конфликта между последней и Германией. Хотя старый договор в основном сохранял силу, однако в новой редакции принятые параграфы освобождали Францию от обязательств немедленно выступить на стороне Польши в случае войны между Польшей и Германией. Лига Наций в Женеве в этом случае должна сначала исследовать инцидент и установить, кто является нападающей стороной.

Затем большое значение для позиции Германии и положения Польши имел мирный договор между рейхом и Советским Союзом, заключенный 24 апреля 1926 года. Он еще именовался Берлинским договором.

Советский Союз и Германия, государства, не считавшиеся Лигой Наций равноправными, еще 16 апреля 1922 года заключили договор в Рапалло о сотрудничестве, в особенности в экономической сфере. Договор 1926 года был откровенно направлен против Польши. После его подписания наряду с усилением экономического началось и военное сотрудничество между Москвой и Берлином. Германские офицеры выезжали в Советский Союз, чтобы передавать русским товарищам по оружию военно – теоретический и технический опыт. Кроме того, военнослужащие рейхсвера получали в России возможность испытывать вооружения, запрещенные Германии по Версальскому договору. Под Ижевском, на реке Каме, к востоку от Казани, немецким военнослужащим предоставили огромный полигон для проведения танковых испытаний.

Такое развитие событий активизировало секретные службы всех непосредственно и опосредованно затрагиваемых стран, в особенности Польши, Франции и Великобритании. Они хотели точнейшим образом знать, что же там, в Советском Союзе, происходит. Открылись ли у версальских миротворцев глаза, что они так недооценили потенциальную мощь России и Германии и что такие народы, как русский и немецкий, нельзя так вот просто посадить на цепь?

В мае 1926 года, через несколько недель после подписания германо – российского мирного договора, маршалу Пилсудскому удалось прийти к власти. Он стал премьер – министром и военным министром и начал авторитарное правление. Одной из первых его мер был приказ, чтобы польская разведка особое внимание уделяла выяснению германо – русского сотрудничества. Фактически Польше удалось получить ценные, соответствующие действительности сведения, которые она предоставила в распоряжение секретным службам Великобритании и Франции.

Германо – русское сотрудничество в военной области вызвало озабоченность в Париже и Лондоне. Европа снова вступила в эпоху напряженности.

Данные, содержащиеся в последних абзацах, и дальнейшие сведения о развитии событий в 1927 году основываются главным образом на информации, которые абверу удалось получить благодаря его ценным контактам. О некоторых из них будет рассказано ниже.

В январе 1927 года меня снова навещил в Данциге мой добрый товарищ и друг Генрих Раух. Стояла холодная зима, и мы согревались крепким грогом.

– Надвигается гроза, – начал Раух. – От моих Близнецов из Померании я получил информацию, что представители западных разведок, в особенности английской, уговаривают своих коллег в Варшаве на превентивную войну с Россией. Ситуация для этого благоприятная, поскольку Советский Союз ослаблен внутренней борьбой за власть. Как на это реагирует маршал Пилсудский, пока неизвестно. В любом случае в этом году у нас будет достаточно треволений.

– И у меня похожие сведения. Мой друг Скупой из Лодзи очень озабочен. Он служит в одном из главных штабов и имеет возможность довольно реально оценивать положение в Польше. Как думаешь, Хайнц, что будет делать германское правительство, если Польша нападет на Советский Союз или оккупирует Данциг? И что мне в последнем случае лучше всего сделать?

– Вмешается ли правительство, представляется мне по меньшей мере сомнительным. Что может наша пара дивизий противопоставить Польше с ее 60 дивизиями, предусмотренными на случай войны! Насколько мне известно, данцигская охрана порядка вступит в бой с польскими наступающими частями, так как она способна своими девятью сотнями плохо вооруженных человек показать миру, что население Данцига встречает наступающие польские войска отнюдь не ликованием. Тебе в этом случае я бы посоветовал отправиться ко мне в Мариенбург. Там мы вступим в местный батальон и снова возьмем винтовки в руки, если дело дойдет до войны. Ведь вряд ли будет возможно по – прежнему вести нашу контрразведывательную работу. В любом случае тебе нельзя оставаться в Данциге, если придут поляки.

– Еще один вопрос, Хайнц. Я давно вынашиваю идею подключиться к телефонной линии, идущей из Польши к дипломатическому представительству в Данциге. Технически это сделать легко. До сих пор я колебался, поскольку это может спровоцировать скандал и новые претензии к Данцигу, если поляки докопаются.

– Если ты будешь прослушивать только сам и сумеешь абсолютно надежно закрыть доступ к станции прослушивания посторонним лицам, я сделаю это. В данных условиях, по моему мнению, ты даже обязан пойти на это, чтобы помочь Данцигу защититься от внезапного нападения.

Я поступил так, как посоветовал мне друг. Один надежный сотрудник данцигского почтового управления помог подключиться к телефонной линии, идущей в дипломатическое представительство Польши, и соединиться с прослушивающим устройством в моем служебном кабинете в полицейском управлении. Теперь по 11 различным линиям поляков я прослушивал, о чем говорилось, как только я подключался. Сотрудникам моего отдела я объяснил, будто это спецлиния для связи с филиалами данцигской уголовной полиции в Сопоте, Оливе и Нейфарвассере. Я мог сказать это не задумываясь, поскольку одновременно с прослушивающим устройством я распорядился проложить прямую линию из моего бюро с перечисленными отделениями.

Я был поражен сверх всякой меры успехом, которого добился с помощью моего нового прибора. Неужели поляки думали, что они защищены от прослушивания, если будут говорить скороговоркой? Велось столь много служебных разговоров, что я в первые часы прослушивания посчитал, будто поляки знают и морочат меня. Но я жестоко ошибался! Все, что из переговоров можно было проверить, оказывалось подлинным, судя по делам.

Новый прибор впоследствии оказался неоценимым вспомогательным средством для абвера, в особенности в периоды напряженности, когда поступали тревожные донесения. Нередко я уже после часового прослушивания польских телефонных линий мог доложить, что информация, вызвавшая такую озабоченность и столько беспокойства, не соответствует действительности. Тем самым я предотвратил множество случаев напрасного применения информаторов сети оповещения на германских пограничных с Польшей территориях. Ибо, само собой разумеется, подслушанная мной информация как можно быстрее передавалась в отдел абвера в Кёнигсберге и оттуда далее в отделение абвера в военном министерстве.

И позднее, когда мой тогдашний противник Лунте пронюхал и отдал сотрудникам дипломатического представительства Польши в Данциге строжайшее указание соблюдать осторожность при телефонных разговорах, прослушивание все равно не было безрезультатным. Даже из безобидных частных бесед извлекалась информация. Например, когда военнослужащим военного отдела дипломатического представительства Польши звонили их сослуживцы или невесты и они договаривались о поездках на выходные в Хелу или другие курортные места, становилось ясно, что в ближайшие дни не следует опасаться военных акций против Данцига.

Опасность прослушивания во многом недооценивается. Особенно в таких учреждениях, где сотни и более человек обрабатывают секретную документацию и в любой момент могут схватиться за трубку, необходимо предъявлять самые строгие требования к телефонным раз-

говорам своих сотрудников. В определенных обстоятельствах даже хорошо законспирированные переговоры могут быть расшифрованы противником и нанести большой ущерб. Впрочем, мало кто верит, что все разбалтывается по телефону! Я бы тоже в это не поверил, если бы сам в течение нескольких лет не слушал это у аппарата.

Угроза войны в 1927 году

Как абвер на основе анализа секретной информации и предсказывал, в 1927 году возникла серьезная угроза войны. Напряженность в Европе росла из месяца в месяц. На глазах ухудшались отношения между Советским Союзом и Великобританией, которая предпринимала суровые меры, чтобы воспрепятствовать торговле русской нефтью на Ближнем и Дальнем Востоке. Оставалось сделать еще один шаг и разорвать с Советским Союзом дипломатические отношения. Поэтому английское правительство было особенно озабочено тем, что Советский Союз пытался развить бойкую экономическую деятельность в заморских владениях Великобритании.

А в самом Советском Союзе разгорелась борьба за власть между Сталиным и Троцким. Поэтому стране необходим был мир и требовалось устранить любую угрозу войны. Это ярко проявилось, когда летом 1927 года от пули белогвардейца погиб посол Советского Союза в Варшаве Войков. Правительство СССР ограничилось тем, что публично выдвинуло обвинение против Польши, Великобритании и Франции, готовивших якобы заговор против страны.

Этим правительство Советского Союза попало прямо в точку. В любом случае в том памятном 1927 году представители западных держав снова подталкивали маршала Пилсудского к войне с СССР. Но маршал отказывался, резонно замечая, что в 1920 году уже одержал победу над Россией и не видит причин, отчего ему следует вновь ставить на карту эту победу.

В действительности же не существовало никакой настоятельной необходимости для нападения на Советский Союз. Сегодня можно лишь удивляться тому, что западные державы считали Польшу способной к ведению подобной войны. Хотя то, что Советский Союз был отягощен внутривнутриполитическими противоречиями и другими внутренними проблемами, и соответствовало действительности, но, с другой стороны, и положение Польши было далеко не блестящим. Ее отношения с Советским Союзом, Литвой, Чехословакией и Германией оставляли желать лучшего. Окруженная потенциальными врагами, Польша также вдобавок переживала катастрофическую экономическую ситуацию. Ко всему этому присоединялись и внутривнутриполитические осложнения с украинскими и другими национальными меньшинствами, враждебно настроенными к Польше и потому поддававшимися русско – коммунистической пропаганде.

Выходит, охватывавшие весь мир секретные службы Франции и Великобритании были недостаточно информированы о положении Польши и Советского Союза? Пилсудский, несомненно, все оценивал реалистичнее, нежели они.

Если оглянуться в прошлое, не перестаешь поражаться тому, как легко представители западных держав подталкивали одну европейскую страну к войне с другой, как бездумно они играли с большим пожаром.

Мы еще не раз в дальнейшем повествовании столкнемся с подобной позицией европейских дипломатов и военных. Я думаю, пришло время назвать вещи своими именами и показать молодому поколению события так, как они развивались в действительности.

Вторая мировая война отчетливо продемонстрировала лишь то, что самим победителям она не принесла никаких выгод, а только, помимо огромных человеческих потерь, в значительной мере утрату влияния и экономический ущерб, и поэтому политические лидеры во всех странах Европы должны использовать иные средства, нежели война, когда между отдельными

странами возникают трения и противоречия. Тем более, что атомная война отныне представляет угрозу всему человечеству.

Пилсудский с 1920 года вплоть до своей смерти в 1935 году был в Польше исключительной личностью. Он направлял внешнюю политику своей страны и не позволял вовлечь себя в глупые авантюры. Некоторые историки и писатели пришли к мнению, будто он, в отличие от Германии, проводил политику примирения. Но при ближайшем рассмотрении становится ясно, что это далеко не так. Конечно, Пилсудский не был другом России и коммунизма. Доказательством послужил тот факт, что в нынешней Польше его имя (русские коммунисты не желают слышать его!) можно назвать шепотом среди друзей.

Но Пилсудского и немцы не могли считать другом. Он, как опытный военачальник, прекрасно понимал, что небольшую, но дисциплинированную и хорошо обученную армию под командованием генерала фон Секта не стоит недооценивать. Всегда при случае он высказывался о ней с уважением. Но это не имело ничего общего с дружбой. Если бы он действительно был другом Германии, то вел бы иную политику по отношению к ней, чем та, которая во времена Веймарской республики в основном состояла из угроз и стремления как можно сильнее ослабить Германию. Ему было бы легче легкого, если бы он того захотел, остановить широкомасштабную психологическую войну против Германии и Данцига, которую вели польские ведомства.

Точно так же Пилсудский умел виртуозно разыгрывать симфонию внутренней политики. Он предоставлял свободу действий различным партиям польского парламента, сейма, и, несмотря на это, безраздельно царил над оппозицией, которая количественно была больше его сторонников. Но совершенно без репрессивных методов не обходился и диктатор Пилсудский. Поддерживаемый ближайшими друзьями, в большинстве своем бывшими офицерами в звании не ниже полковника, занимавшими ключевые посты в правительстве, он распорядился создать концентрационный лагерь и в 1930 году арестовал часть лидеров оппозиции. Эти меры в основном объясняются тем, что проправительственная коалиция режима Пилсудского на выборах в ноябре 1930 года впервые смогла получить большинство.

Усилия маршала по будущему устройству Польши были устремлены на создание федерации украинцев, литовцев и белорусов под польским верховенством по образцу Австро – Венгрии. Но эти замыслы и планы не имели ни малейших шансов на воплощение. В эпоху Пилсудского ни между поляками и литовцами, ни между поляками и украинцами не существовало по – настоящему дружественных отношений. Воплощение его концепции, вероятно, имело бы богатый эффект. Но кто способен упрекнуть украинцев и литовцев, что они не желали добровольно отдаться под власть диктатуры Пилсудского!

Переговоры бывшего германского министра иностранных дел Штреземана с маршалом Пилсудским в декабре 1927 года

Однако давайте вернемся к самым значительным событиям 1927 года! При описании их нельзя обойти вниманием встречу и переговоры между Штреземаном и Пилсудским. То, что оба государственных деятеля обсуждали, выразительно освещает тогдашние отношения между Германией и Польшей.

С 9–го по 11 декабря Пилсудский находился в Женеве для урегулирования польско – литовского конфликта.

Это был первый и единственный раз, когда маршал выступал там.

После секретного заседания Совета Лиги Наций, которое тогда воспринималось как сенсация, французского министра иностранных дел Бриана пригласили на завтрак, на котором помимо многих членов Совета присутствовали также Пилсудский со Штреземаном. При этом

между последними состоялась беседа, о которой несколько месяцев спустя Штреземан сделал следующую запись:

«Пилсудский помимо прочего жаловался на германскую пропаганду коридора, которая делала невозможной любую попытку прийти к какому – либо германо – польскому взаимопониманию.

Я возразил, что отторжение коридора тяжело ранило бы немецкий народ. Если найти взаимопонимание по этому вопросу, то рана эта затянется и воспринимаемая Польшей как недружественная пропаганда по коридору прекратится.

Более непонятной мне представляется постоянно возрастающая пропаганда, направленная польской стороной против германской Восточной Пруссии, а именно: пропаганда, исходящая от таких кругов, получавших для этого поддержку польского правительства, как, например, Балтийский институт в Торне.

Западнопрусский коридор и Данциг отторгались от рейха без всенародного голосования. Это было бы понятно, если бы в германской прессе муссировались притязания на этот «мост в Восточную Пруссию». Польская же пропаганда, напротив, нападает на ту Восточную Пруссию, где, проведенный под диктатом и надзором противников Германии, плебисцит показал почти стопроцентный прогерманский результат, и это именно в тех пограничных округах, которые господин Дмовский¹⁰ в Версале определил как «тотально польские». В этих обстоятельствах польская пропаганда аннексии германской Восточной Пруссии все же заслуживает существенно иной оценки, нежели немецкая пропаганда ревизии урегулирования проблемы коридора.

Пилсудский не оспаривал этого. Он даже подчеркивал, что считает Восточную Пруссию «неотъемлемой частью Германии». «Это я понимал еще будучи ребенком, господин министр, – сказал маршал и затем продолжал – Ведь мы еще детьми ездили с отцом с нашей литовской родины¹¹ через тогдашнюю русско – германскую границу в Восточную Пруссию. Часто там мы делали покупки к Рождеству. Это были незабываемые путешествия на санях через границу, разделявшую не просто две страны, а целых два мира. Настолько иной представлялась нам соседняя Восточная Пруссия, в которой все было на немецкий лад, даже мазуры, говорившие еще больше тогда на своем славянском диалекте, нежели теперь.

Нет, Восточная Пруссия, без всякого сомнения, немецкая земля. Таково мое убеждение с детства, для которого не требуется подтверждения никакими плебисцитами. Такое мое мнение можете открыто довести до ваших пруссаков для их успокоения, раз вы считаете политически необходимым подобное заявление, которое, несомненно, только обрадует моих внутриполитических противников».

Эти исторически значимые высказывания Пилсудского и Штреземана говорят сами за себя. Особого внимания заслуживает, однако, молчаливое признание Пилсудским того, что польская пропаганда против Восточной Пруссии ведется организациями, получающими поддержку польского правительства.

Далее в связи с этим представляется показательным, что маршал, хотя недвусмысленно и признал, что Восточная Пруссия – исконно германская территория, но то, что он больше не вернулся к этому заявлению, сделанному в начале разговора, должно было разрушить любую попытку к германо – польскому взаимопониманию, когда в немецкой прессе появлялись пропагандистские статьи, призывающие пересмотреть проблему коридора.

Для европейской ситуации в период напряженности 1927 года произошли еще два следующих события, достойных упоминания.

¹⁰ Дмовский Роман – один из выдающихся политиков тогдашней Польши. Перед Первой мировой войной был депутатом органа русского народного представительства, думы, а после учреждения Польского государства одним из ярких поборников сближения Польши и России. Еще в думе Дмовский произносил острые речи против немцев и евреев.

¹¹ Юзеф Пилсудский родился 5 декабря 1867 года в Зулове в Литве.

Генеральный консул Советского Союза в Данциге, доктор Калина, летом 1927 года развил бурную деятельность с целью расширить торговые отношения между СССР и Германией и Данцигом. Понятная реакция Советского Союза, после того как несколькими месяцами ранее Великобритания разорвала с ним отношения, а с Польшей он находился на грани разрыва. Советский Союз явно старался заручиться дружбой с Германией.

Не просто значимым, но прямо – таки пророческим оказалось заявление, сделанное бывшим итальянским премьер – министром Франческо Нитти летом 1927 года. Он сказал следующее: «Политика консервативного английского кабинета, защищающего все белые диктатуры в Европе и возмущающегося коммунистической диктатурой в России, еще на длительное время затянет любое позитивное решение. Сокращение вооружений и образование больших таможенных зон вообще не видны на горизонте.

Но при наличии духа ненависти, негодных традиций, диктатур, насилия и протекционизма все тщетно. Или Женева в будущем не сможет стать ничем большим, нежели только академией, центром интриг и статистическим бюро?

Будет ли у этого состояния упадка конец? Я знаю, что нужно надеяться и бороться за это, но человеческая глупость так называемых «цивилизованных» людей, к несчастью, столь огромна».

Таким образом, нельзя сказать, что в период между двумя войнами не хватало дальновидных умов и умных политиков. К сожалению, и до сих пор многое из того, что Нитти представлялось желанным, пока что не достигнуто, в особенности сплочение европейских государств. К сожалению, в этом смысле перспективы на будущее в наши дни выглядят хуже, чем тогда. Тем временем опустившийся «железный занавес» удушил все надежды на возрождение объединенной Европы, в которую входили бы все без исключения европейские страны.

Случаи шпионажа в 1927 году

Естественно, в период напряженности секретные службы причастных стран развили бурную деятельность. Каждая из них старалась точно узнать, намечаются или уже развертываются и какие именно военные и политические мероприятия стран потенциального противника против их собственной страны.

В этих обстоятельствах секретным службам приходилось прикладывать большие усилия, нежели в спокойные периоды. Неоднократно, с течением времени, менялись и методы работы. Из управлений секретных служб, обычно чрезвычайно осторожных, неохотно дававших согласие на проведение слишком смелых операций, вдруг поступали указания, что на тайном фронте необходимо рискнуть, когда было нужно установить какие – то в высшей степени важные вещи.

Тогда, само собой разумеется, при такой практике потери резко возрастали. И в 1927 году все происходило именно так. Вот некоторые случаи шпионажа, которые подтверждают это.

1 июля 1927 года литовское военное министерство дало в прессе следующую информацию:

«Военный суд в Ковно вынес заключение против семи обвиняемых в шпионаже в пользу польского генерального штаба. Трое из них (в том числе и главарь Малковски, расстрелянный 30 июня) приговорены к смертной казни, двое других преступников осуждены на 15 и 14 лет каторжной тюрьмы. Двое обвиняемых оправданы».

Ничто так красноречиво не отражает тогдашнюю решимость Литвы всеми силами защититься от Польши, как этот приговор.

Отношения между Польшей и Советским Союзом в те дни хорошо иллюстрирует следующее шпионское дело: в сентябре 1927 года военный суд Варшавы приговорил штабс – капитана Микуту к 14 годам каторги. Впрочем, расследование этого дела показало, что Советский

Союз ввиду критической ситуации рискнул множеством других ценных информаторов, чтобы получить как можно более точную информацию о тайных замыслах Польши.

Тайные сражения на невидимом фронте между Польшей и Германией в тот критический год также расширились и отличались ожесточенностью.

В апреле 1927 года органам абвера удалось схватить в Мариенбурге польскую шпионку Эльфриду Вильямовски. При ней оказались германские военные документы, подтверждавшие ее работу на польскую разведку. Дальнейшее расследование привело к аресту многих других лиц в Алленштейне. В результате была обезврежена опасная шпионская сеть, действовавшая против Восточной Пруссии.

Затем в тот год абверу в Шлезвиге удалось уличить в шпионаже в пользу Польши еще трех человек, рабочего Мализека, его сына и горнорабочего Флигеля. Оберландский суд в Бреслау в августе 1927 года приговорил Мализека с сыном к двум, а Флигеля к семи годам каторжной тюрьмы.

Дело польских поручиков Пионтека и Урбаняка

В 1920-х годах, когда в Польше все вновь и вновь раздавались угрозы в адрес Германии и выдвигались притязания на районы Восточной Пруссии и вольный город Данциг, рейх был вынужден считаться с вероятностью нападения своего восточного соседа. В связи с этим перед абвером среди прочих стояла задача постоянно уточнять, какие польские части дислоцируются в так называемом коридоре. Еще важнее для германского военного командования было выяснение того, какие польские части при мобилизации будут введены или подтянуты в район коридора и как они должны оперировать в случае начала войны против Германии.

Эта задача могла быть разрешена только в том случае, если бы абверу удалось получить доступ к секретным приказам на случай мобилизации соответствующих польских частей. Эти приказы, разумеется, хранились под строгой охраной в сейфах.

Первым офицером абвера, разрешившим эту сложную задачу, по меньшей мере в ее существенной части, был уже знакомый читателю обер – лейтенант Раух. Зимой 1925/26 года через посредника ему удалось установить контакт с польским поручиком Пионтеком, кадровым офицером одного кавалерийского полка и командиром эскадрона в Конице.

При сложных обстоятельствах на «зеленке» между Восточной Пруссией и Польшей состоялась встреча Рауха и Пионтека, принявшего предложение вести шпионаж в пользу Германии за высокое вознаграждение и пообещавшего доставать все секретные документы, которые ему будут доступны. Он запутался в долгах и остро нуждался в деньгах.

Пионтек сдержал свое обещание. Уже на следующую встречу он принес фотографии важных секретных документов. Но свидания на зеленой границе были затруднительны и небезопасны. Они происходили по ночам на пограничной полосе, одну сторону которой патрулировали немецкий, другую польский таможенники, охотившиеся на контрабандистов. Поэтому Раух решил провести следующую встречу в районе вольного города Данцига, куда Пионтек, не обращая на себя внимание, мог часто навещать. Ведь много поляков, кто по делам, кто по личным надобностям, приезжали в Данциг или через него ехали в польский город Гдыню.

Раух попросил меня подобрать подходящее место для встречи с Пионтеком, принять участие в переговорах и прикрыть окрестности места встречи моими проверенными помощниками Бартом и Кригером.

Так в марте 1926 года я познакомился с Пионтеком – высоким, стройным блондином ослепительной внешности. Любой принял бы его за прусского офицера, носи он немецкую форму. К тому же Пионтек хорошо говорил по – немецки. Среди его предков были не только поляки, но и немцы. Я сразу же вспомнил об описанном выше деле унтер – офицера Коха. Как и тот, Поинтек тоже не обрел своей родины ни в Польше, ни в Германии.

Мое впечатление усилилось, когда Раух стал задавать вопросы о польской армии, ее организации и вооружении, а Пионтек без колебаний (если мог) отвечал на них. Он знал намного больше, нежели это содержалось в доступных ему секретных документах. Дело в том, что Пионтек имел хорошего друга, поручика Урбаняка, адъютанта командира полка в Торне, под командованием которого они оба служили. Урбаняк руководил секретной частью полка, кроме того, из личных разговоров со своим командиром знал то, что тому доводили до сведения в вышестоящих штабах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.